

Практика проведения собраний Коринфской церкви в середине первого века

© А.Ю. Сысоев, 2011

Анатолий СЫСОЕВ, Санкт-Петербург, Россия

Сысоев Анатолий Юрьевич закончил в 2011 году бакалаврскую программу по библеистике Санкт-Петербургского Христианского Университета. В данный момент является студентом магистерской программы по библеистике Нового Завета Санкт-Петербургского Христианского Университета и ассистентом кафедры библеистики СПбХУ.

Введение

В первом веке практика христианских собраний не развивалась в вакууме, но заполняла собой социальные модели, которые наполняли языческое общество. Вера первых христиан отличалась большой ревностью, и формы, которые пришли к нам из этих ранних времён, несут на себе отпечаток вдохновения и искренности. Апостолы, исполненные веры, понесли Евангелие, полученное в иудейской традиции, в языческий мир. На этом переломном моменте следует задаться вопросом, какую форму богослужения они принесли в языческое сообщество, наполненное пантеистическим представлением о мироздании?

В двадцатом веке доминировало мнение, что основой для христианских собраний стала синагогальная практика собраний.^[1] За последнее десятилетие исследования несколько изменили представление о практике собрания верующих в первом столетии. Такие учёные как Smith^[2], Klinghardt^[3], Klauck^[4] и др. в результате исследований пришли к выводу, что форма проведения христианских собраний не произош-

^[1] Dix G. (1945). *The Shape of the Liturgy*. Glasgow: Glasgow University Press. Martin R. P. (1975). *Worship in the Early Church*. Grand Rapids: Eerdmans. Как мне подсказал доктор Аликин В. А., представленные богословы придерживаются традиционной точки зрения, которая доминировала в двадцатом веке.

^[2] Smith D. E. (2003). *From Symposium to Eucharist. The Eucharist in the Early Christian World*. Minneapolis: Fortress Press.

^[3] Klinghardt M. (1996). *Gemeinschaftsmahl und Mahlgemeinschaft. Soziologie und Liturgie fruehchristlicher Mahlfeiern*. Tuebingen/Basel: Francke.

^[4] Klauck H. J. (1981). *Hausgemeinde und Hauskirche im fruehen Christentum*. Stuttgart: Katholisches Bibelwerk. По словам доктора Аликина В. А., исследования Клингхарда и Клаука свидетельствуют о том, что христианские собрания в первом столетии переняли форму не синагогального собрания, а собрания добровольных ассоциаций греко-римского мира.

ла из синагогальной традиции. Христианская община в первом столетии существовала как одна из добровольных ассоциаций, распространённых в греко-римском мире и имела форму двухчастного собрания, куда входили общие трапезы и симпозиум. В данной работе будет рассмотрена практика проведения христианских собраний в Коринфской церкви в сравнении с собраниями добровольных ассоциаций в греко-римском мире.

Собрания христианских общин в первом веке

Учитывая, что иудаизм для Рима с юридической точки зрения рассматривался как добровольное объединение,^[5] неудивительно, что ранние христианские общины подпадали под статус добровольных объединений. Они были схожи с последними в том, что имели: общие собрания, добровольное членство, организацию общих трапез и общений.

Свидетельство первых христианских собраний мы находим в Деяниях Апостолов. Наряду с тем, что первые христиане посещали Храм, возможно, ожидая, что он станет местом возвращения

Христа,^[6] они также практиковали форму служения домашних церквей (Деян. 2:46; 5:42). Здесь мы можем видеть наличие некоторых элементов домашних встреч: учение Апостолов («благовестие о Христе», Деян. 5:42), общение, молитва, преломление хлеба (κλάω)^[7], общие трапезы: «И они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах» (Деян. 2:42); «И каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца» (Деян. 2:46). Эти формы домашних церквей с наличием общих трапез, по всей вероятности, распространились в дальнейшем в новые места, куда проникли апостолы с Евангелием. Мы находим подобную практику в Антиохийской церкви (Гал. 2:11-12), в Троаде (Деян. 20:7-12), в Коринфе (1 Кор. 11:17-14:40).

Общие трапезы сыграли чуть ли не решающую роль в развитии христианства в языческом мире. Евреи уделяли особое внимание качеству пищи,^[8] которая по их меркам служила индикатором святости и нечистоты, праведности и беззакония; и именно с отношением к пище были связаны некоторые пробле-

[5] Tidball D. J. (2010). *Социальная среда основанных Павлом церквей / Словарь Нового Завета. Том 2. Мир Нового Завета*, с. 755.

[6] Данн Д. Д. (2009). *Единство и многообразие в Новом Завете*, с. 140.

[7] Термин «преломление хлеба» (κλάσει τοῦ ἄρτου) служит указанием на начало общей трапезы. У евреев, как утверждает Маршал, любая трапеза начиналась с преломления хлеба. Контекст употребления термина κλάω, использованного Лукой в Деяниях (2:41-46; 20:7-12; 27:33-38), скорее всего, имеет значение общего приёма пищи, которое ассоциировалось с общей верой, общим богослужением и общей жизнью, посвященной служению друг другу. Например, Павел призывает корабельщиков, после длительного шторма, принять пищу, и сам преломив хлеб, начинивает есть (Деян. 27:35). Иисус преломляет хлеб, перед

тем как накормить пять тысяч человек (Лк. 9:16). На тайной вечере Иисус преломляет хлеб и раздаёт его ученикам (Лк. 22:19). После воскресения так же Господь преломляет хлеб с двумя учениками в Эммаусе (Лк. 24:30). И ученики узнают Его по преломлению хлеба (Лк. 24:35). См. Marshall I. H. Wainwright G. (2010). *Вечеря Господня / Словарь Нового Завета. Том 2. Мир Нового Завета*, с. 140.

[8] Blue приводит исследование Нюснера, который после детальной экспертизы раввинских традиций относительно фарисеев, имеющих 341 различных постановлений на разные случаи, заключил, что не менее чем в 229 из них прямо или косвенно правила касаются общих трапез, см. Blue B. B. (1993). *Food Offered to Idols and Jewish Food of Laws / Dictionary of Paul and His Letters*, 307.

мы, которые в свою очередь послужили разногласиям среди апостолов (Гал. 2:11-18). Совместные домашние трапезы евреев и язычников стали началом их примирения. По словам некоторых учёных, отказ Павла от еврейских правил относительно приёма пищи стал одним из самых эффективных способов достижения язычников.^[9]

Происхождение вечери Господней уходит корнями в две особенности служения Иисуса: а) общие трапезы, б) последняя вечеря с учениками. Для людей Востока общие трапезы являются гарантом мира, доверия и братства. Иисус принимал участие в общих трапезах с мытарями и грешниками. Это в свою очередь было способом провозвестия о спасении Божьем. Вот почему религиозные деятели того времени не могли понять свободы Его контактов. Застолья Иисуса были открытыми и чужды снобизма.^[10] Первые христиане продолжили традицию общих трапез. Лука отмечает, что уверовавшие ежедневно преломляя (κλάω) хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца по домам (Деян. 2:42,46). Они жили в ожидании скорого возвращения Христа, поэтому, по всей видимости, не имели особой нужды заботиться о внедрении каких-либо евхаристических традиций,^[11]

как это произошло впоследствии.^[12] Данн утверждает, что первые общие приёмы пищи верующих, скорее всего, были обычными трапезами. Подобные трапезы служили выражением эсхатологического восторга, то есть трапеза являлась предзнаменованием эсхатологического пира.^[13] Для первых христиан общие трапезы служили индикатором общности, любви, единения и служением друг другу. Это были встречи, которые можно обозначить как вечера любви (ἀγάπη), предзнаменование эсхатологического пира и радости.

Общие трапезы в Коринфской церкви

Исследование организации общих собраний Коринфской церкви и наличие проблем при этом, склоняют нас к тому, что общие встречи верующих Коринфа отражали модель двухчастного собрания, распространённого в бассейне Средиземноморья, где присутствовала общая трапеза, постепенно переходящая в общение.

Термин δεῖπνον, который использует Павел для обозначения вечери, помимо значения вечерней пищи, используется также в значении основного приёма пищи дня. Смит утверждает, что термин

^[9] Blue B. B. (1993). *Food Offered to Idols and Jewish Food of Laws / Dictionary of Paul and His Letters*, 307.

^[10] Данн Д. Д. (2009). *Единство и многообразие в Новом Завете*, с. 179-180.

^[11] Особый ритуал преломление хлеба и принятие вина (εὐχαριστία), который стоит отдельно от обычного совместного приёма пищи вечера любви (ἀγάπη). Разделение вечери Господней на отдельно евхаристию и отдельно на агапэ произошло гораздо позже первого века.

^[12] Маршалл отмечает, что специалисты сходятся к тому, что в конце I и в начале II века н.э. авторы начинают отделять вечерю любви ἀγάπη, от вечера εὐχαριστία. По мнению Маршала тексты в 14

главе *Дудахе*, в *Послании к Филад.* 4.1, *Смирн.* 8.1-2; 7.1; *Еф.* 20.2 Игнатия Антиохийского (погиб мученической смертью в 110 г. н.э), в 1 *Апологии* 67 Иустина Мученика свидетельствуют о εὐχαριστία. См. Marshall I. H. Wainwright G. (2010). *Вечеря Господня / Словарь Нового Завета. Том 2. Мир Нового Завета*, с. 142-145. С другой стороны Аликин приводит аргументы, которые отсылают начало разделения вечера ἀγάπη от вечера εὐχαριστία, а ещё дальше к концу II и началу III века н.э. Alikin V. A. (2010). *The Earliest History of the Christian Gathering*, 132-146.

^[13] Данн Д. Д. (2009). *Единство и многообразие в Новом Завете: исследование природы первоначального христианства*, с. 181.

δεῖπνον^[14] определяет не время приёма пищи, но скорее указывает на самую важную трапезу дня. Во времена Гомера основная пища дня съедалась в полдень, однако, ко времени классического периода (6-5 век до н.э.) δεῖπνον сдвинулся на вечер. Следует так же отметить, что во времена Гомера греки принимали пищу сидя за столом. Традицию возлежания на ужине, греки и римляне позаимствовали у восточных народов. Таким образом, возлежание за ужином приобретает характер неторопливой еды. Это стало не только формальным приёмом пищи, но так же главным событием дня. Как банкет общая встреча функционировала не только как средство утоления голода, но так же отдыха и развлечения всего вечера.^[15]

В первом Послании к Коринфянам Павел настойчиво утверждает, что собрания коринфян, которые они называют вечерей Господней, не является таковыми. Он сообщает, что поведение, которое присутствует на собрании, не служит свидетельством вечера Господней (11:20). Павел называет их собрание не вечерей Господней «κυριακὸν δεῖπνόν», а своей собственной вечерей «ἰδῖον δεῖπνον». «Ἰδῖον δεῖπνον», согласно Павлу, не имеет ничего общего с той вечерей, кокой её видит Павел. Проблема заключалась в том, что «всякий спешил прежде других есть свою пищу» «ἰδῖον δεῖπνον» (11:21). Скорее всего, это выражение следует отнести к богатым членам общины. Только они могли предоставлять свои дома для общих встреч, и

только они могли принести необходимые продукты для общей трапезы. У бедных для этого не было ни достаточных условий, ни средств, ни времени. Поэтому богатые, приходя на общее собрание раньше, устраивали свою вечерю, где они наедались и напивались. Глагол μεθύω (11:21), который использует Павел, показывает, что богатые, собравшись заранее, устраивали настоящий банкет, где наедались и напивались до пьяна, а бедные при этом оставались голодными.

Каждый член общины по возможности мог приносить для общего приёма пищи определённую порцию продуктов или готовой пищи. В древности существовала практика, когда члены какой-либо ассоциации или коллегии делали свой вклад для общей трапезы; с этой целью они могли приносить необходимые продукты или готовую еду с собой на банкет. Однако при этом по свидетельствам некоторых писателей все продукты старались делить поровну.^[16] Например, Ксенофонт за 100 лет до Плутарха пишет:

Когда одни из участников общего обеда приносили мало закусок, а другие много, Сократ приказывал слуге такое маленькое приношение или класть на стол для общего употребления, или делить между всеми поровну. Кто приносил много, тем было совестно не брать того, что положено было для всех, и не класть своих закусок; поэтому они клали и их для общего употребления. Не пользуясь никакими преимуществами

^[14] По словам Behm в эллинистической религиозной среде слово δεῖπνον используется также и в значении культовой еды. Например, приглашение Анубиса на δεῖπνον в храме Исида в Риме (Флавий, *Иудейские древности*, 18.73). Основная мысль подобного ужина – *communion*, то есть союз тех,

кто есть с божеством, см. Behm (1964). *Theological Dictionary of the New Testament*, 34-35.

^[15] Smith D.E. (2003). *From Symposium to Eucharist*, 20-21.

^[16] Сравни: Плутарх, *Сравнительное жизнеописание, Лукург*, 12.

в сравнении с теми, кто приносил мало, и они перестали покупать закуски на большую сумму (Ксенофонт, *Воспоминание о Сократе*, 3.14.1).

В Коринфской общине, как отмечалось выше, за сервировку стола могли отвечать только богатые, которые приносили основную часть продуктов, необходимых для вечери. Поэтому бедные в церкви, не имеющие особый достаток продуктов или не успевшие взять пищи после работы, оставались либо голодные, либо довольствовались остатками со стола богатых (11:21). В этом отношении поведение богатых перечёркивало все понятия добродетели, которую порой даже языческие писатели отмечали как похвальную. Плутарх отмечает, что разумные люди приходят на симпозиумы, чтобы доставлять удовольствие себе и другим. Очень важно прийти на симпозиум для того, чтобы не просто поесть или приобрести чего-нибудь для желудка, но приобрести друга. Сотрапезнику подобает приобщиться не только вину, к еде и к лакомствам, но также и к речам, шуткам и веселию, которые приводят к взаимному дружескому расположению (Плутарх, *Застольные беседы*, 4.660). Коринфяне не замечали эту добрую традицию общих собраний. Поэтому Павел выговаривает тем, кто пришёл только поесть и попить, чтобы они это делали дома (11:22). Место собрания является не только местом насыщения желудка, но местом, где члены собрания могут разделить общие интересы, уча-

ствовать в общих богослужебных практиках.

В свете проблем, указанных Павлом в 11:20-22 и следует рассматривать традицию Тайной вечери, которую Павел представляет в 11:23-25. Конфликт во время общих трапез был обусловлен, по всей вероятности, двумя факторами. Во-первых, гетерогенным составом коринфской общины, во-вторых, наличием определённых неустройств, связанных с бытовыми условиями (наличие триклиниев и атриумов), не позволяющими всем членам общины присутствовать в одном месте. Древние дома были оборудованы двумя помещениями, предназначенными для скопления гостей: триклинием (столовая) и атриумом. Все участники собрания не могли поместиться в триклинии. Поэтому некоторые вынуждены были располагаться в атриуме, который уступал триклинию по внутреннему комфорту; атриумы обычно не были оборудованы хорошей крышей и не располагали местом для кушеток.^[17] По всей видимости, придя в церковь, богатые могли ощущать себя хозяевами, так как вся организация была осуществляема ими. Они могли прийти раньше запланированного времени^[18] и занять лучшие места; возлежать и принимать пищу, расположившись в триклинии, пока основная часть церкви, которую составляли бедные (1 Кор. 1:26; 11:22), соберётся на общее собрание. Очевидно, что для бедных, занятых работой и приходивших гораздо позже, уже не остава-

^[17] Коннор описывает, что атриумы не были оборудованы хорошими крышами, поэтому был холодными. Если в триклинии гости могли возлежать, принимать пищу и наслаждаться тёплым уютным помещением, как был обычай в древности и как Иисус всегда делал с учениками, то в атриуме гости вынуждены были сидеть (1 Кор. 14:30) в холодном продуваемом помещении.

O'Connor (2004). *House-Churches the Eucharist // Christian at Corinth / The Quest of the Pauline Church*, 135.

^[18] Как отмечалось выше, богатые не были заняты работой настолько, насколько были заняты бедные члены общины, следовательно, обладали достаточным количеством свободного времени, чтобы позволить себе прийти раньше.

лось хороших мест в триклинии. Соответственно они могли располагаться только в атриуме, менее комфортной части помещения, не оборудованной для приёма пищи. Таким образом, казалось бы, естественные условия могли создавать подобную дискриминацию. Павел утверждает, что если создававшаяся ситуация делит людей на привилегированных, собравшихся в триклинии и на группу людей второго класса, которые оставлены в атриуме, то это не вечеря Господня вообще. Это обыкновенная еда дома «ἰδιοῦ δεῖπνον» (11:21-22).

С другой стороны, проблема разделений в Коринфской церкви на вечере Господней могла быть связана с наличием в церкви бедных и богатых (имущих и неимущих). Для подобного гетерогенного общества не просто в греко-римской традиции функционировать как семья или как сообщество равных. Они были разделены по социальному статусу, что и могло являться непреодолимым препятствием для достижения единства и равенства во Христе. Следующий момент в нарушении традиции проведения вечера Господней может прояснить тот факт, что, по свидетельствам некоторых античных писателей, в греко-римских общих трапезах присутствовала практика деления гостей на близких или важных и менее важных или дальних. Близким знакомым выделялись привилегированные места; они могли чувствовать себя особыми гостями. Пища, которая подавалась гостям,

разделялась на первосортную, более высокого качества и второсортную, более низкого. Первосортная пища подавалась особым гостям; остальных же ожидал второсортный ужин. Вино также разливалось в несколько сосудов, которые выделялись по качеству. Отсюда, самые привилегированные гости могли наслаждаться лучшими яствами и отборными винами. Остальная же часть питалась второсортными питьём и пищей.^[19] Плиний Младший описывает подобное поведение на общем ужине, где он случайно оказался свидетелем деления хозяином гостей на первосортных и второсортных. Ему (Плинию) подавались лучшая пища и лучшие вина, а остальным плохая и в малом количестве. Вино хозяин разделял по трём сосудам. Один сосуд был предназначен для важных гостей, другой – для менее важных, третий – для отпущенников. Сам Плиний не одобрял такое деление. Для него, как он свидетельствует, само приглашение уже уравнивало всех гостей (Плиний Младший, *Письма*, II 6). Марциал также отмечает о присутствии практики деления еды на более качественную, предназначенную для особых гостей, и второсортную для гостей менее привилегированных. Марциал при этом выражает своё неодобрение подобной практики деления еды для гостей привилегированных и непривилегированных (Марциал, *Эпиграммы*, III 60).

Учитывая наличие проблем в организации христианских трапез в Коринфе, по всей видимости, они не сильно отличались от общих ужинов присутствующих в греко-римском мире, где практиковалось расслоение членов по социальной лестнице, и где пища могла распределяться особо для привилегированных членов и особо для простых. Ве-

^[19] К второсортным гостям могли также относиться неприглашённые гости. Гиро отмечает, что в древности к общему столу могли приходиться и без приглашения. Злоупотребления этой простотой (гостеприимство и организация общих трапез) создало целый класс паразитов, презираемых всеми. Гиро П. (1994). *Частная и общественная жизнь греков*, с. 40.

роятно, подобная практика имела целью, унижая бедных, богатым членам общества очередной раз подчеркнуть свой более высокий статус. Поэтому Павел категорически протестует против богатых членов общины в том, что они пренебрегают бедными: «Или пренебрегаете церковь Божию и унижаете немощных?» (11:22). Тайссен отмечает, что такое деление составляло ядро проблемы. Действуя подобным образом, богатые давали понять, что они являются хозяевами вечери и все остальные зависят от их великодушия. Конфликт был обусловлен не материальными ценностями или теологическими вопросами, но имел под собой социальный аспект. И вечера Господня, вместо того, чтобы обеспечить основание для единства Тела Христова, становилась поводом к тому, чтобы продемонстрировать социальное различие. Собрание из «трапезы Господней», где должны царить братство и любовь становилось «собственной трапезой» (ἰδίον δεῖπνον), поводом, чтобы поест и показать своё отличие.^[20]

Мы видим, что организация собраний Коринфской церкви, и наличие при этом проблем, отражают черты организации общих собраний различных добровольных объединений в греко-римском мире. Сходство выражено как в поддержке традиции общего ужина и его организации (общее участие в организации продуктов (1 Кор. 11:21), собрание по домам (Деян. 2:46; Рим. 16:23) и др.), так и в присутствии проблем, связанных с гетерогенным составом собравшихся. Люди могли делиться по социальному сословию и занимать соответствующие, привилегированные, места и принимать

особую пищу. Тогда как другое, более низкое сословие, пренебрегалось как второсортное и довольствовалось минимумом удобств и второсортной пищей.

Общение в Коринфской церкви

Вторая часть собрания имеет свои особенности, которые склоняют нас к тому, что собрание коринфских христиан имеет черты общих собраний различных обществ в греко-римском мире. Свобода высказываний, нерегламентированное выступление артистов, общепение, мудрые речи, дискуссии, рассуждения, выступление участников – всё это свидетельствует об открытом, не ограниченном регламентом или традицией, собрании. Каждый свободен участвовать в дискуссии и в различных обсуждениях. Плутарх свидетельствует о свободной форме собрания. В зависимости от членов симпозиума, пишет он, происходит и сама практика проведения собрания. Это может быть народное собрание или школа софистов, игорный дом или театральная сцена. Одни за обедом произносят политические и судебные речи, другие или декламируют или читают свои художественные произведения, другие устраивают состязания мимов и танцовщиков. Это может быть также местом таинств, проведение священнодействий (Плутарх, *Застольные беседы*, 1990, 1.619В, С). С другой стороны, проблемы, которые встречаются в Коринфской церкви: беспорядочное выступление, неповиновение, нарушение общего порядка, встречаются также и в собраниях добровольных ассоциаций, которые были распространены в греко-римском мире. Например, в уставе общества иобакхов (греч. *Iobakchoi*) отмечены некоторые пункты, связанные с вопросом порядка на про-

^[20] Theissen G. (2004). *The Social Setting of Pauline Christianity*, 160.

водимых собрания, которые явно отражают проблемы, присутствующие и в Коринфской церкви: ни одному не позволено говорить публичную речь без разрешения старшего, не позволено оскорблять друг друга и т.д. Нарушитель порядка должен заплатить определённую сумму штрафа.^[21] В собрании Коринфской церкви, по всей видимости, присутствовали подобные проблемы, когда выступающие перебивали друг друга, не давали возможность друг другу говорить речь или закончить выступление: «Если же другому из сидящих будет откровение, то первый молчи» (1 Кор. 14:30).

В 1 Кор. 14:26 представлены элементы богослужения, которые включают в себя: псалмы, поучение, языки, истолкование языков, откровение, пророчество: «Итак, что же братья? Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование, – всё *это* да будет к назиданию» (1 Кор. 14:26). В собрании присутствовали также и молитвы: «Ибо когда я молюсь на *незнакомом* языке, то, *хотя* дух мой и молится, но ум мой остаётся без плода. Что же делать? Стану молиться духом, стану молиться и умом; буду петь духом, буду петь и умом» (14:14-15). Следует усмотреть, что Павел здесь не пытается привнести основной элемент синагогального собрания «чтение и интерпретация Торы», где один читает, а другой, имеющий определённые навыки в знании Писания, толкует для аудитории значение прочитанного.^[22] Данн, подтверждая эту

мысль, пишет, что Павел не намеревался внести синагогальную традицию чтения Закона и его толкования, как это происходило в синагогах и в некоторых иудейских течениях в частности у кумранитов, которые в течении одной трети каждой ночи имели традицию читать книгу Закона, изучать её и молиться вместе (1QS 6.7-8). Павел видел собрания своих церквей, отличающиеся по характеру от традиционных еврейских собраний, где последние были в большем количестве напоминанием о божественном откровении в прошлом. Павел же и его церковь находились в непосредственном и прямом ожидании божественного откровения, который мог действовать в каждом члене тела Христова, чтобы каждый мог быть каналом Божьей благодати, а не в представлении Закона и его интерпретации.^[23]

В христианском собрании выступление не ограничивалось только определенной группой людей, имеющих для этого специальную подготовку, но каждый имел право принимать активное участие. Павел поддерживает активное действие харизмы, которое проявлялось через членов общины. Дух Святой занимает особое место в богослужении Павла. Его руководящая роль определена такими глаголами как «δίδωμι» (давать), «ἐπερφέω» (совершать), «διαίρω» (выделять) (1 Кор. 12:8-11). Он наделяет члена христианской общины определённой харизмой (12:7, 11), которой каждый может служить в общине во благо всей церкви.^[24] Метафора тела, пред-

^[21] Smith D.E. (2003). *From Symposium to Eucharist*, 129-131.

^[22] Филон, *Специальные законы*, 2.62; *Всякий добродетельный человек свободен*, 81-82; Иосиф Флавий, *Против Апиона*, 2.175.

^[23] Dunn J. (1998). *The Responsible Congregation (1 Corinthians 14:26-40) // The Christ and the Spirit. Volume 2*, 268.

^[24] Данн Д. Д. (2009). *Единство и многообразие в Новом Завете*, с. 120-121.

ставленная Павлом (12:12-31), служит хорошей иллюстрацией, чтобы показать единство и взаимозависимость друг от друга. Для Павла представляется немаловажным вопрос участия каждого члена общины в богослужении. Его цель состоит в том, чтобы привлечь всю церковь к активной деятельности в собрании, например, в обсуждении сказанного пророчества или истолкования различных языков (296). Очевидно, что подобная практика может способствовать более открытому собранию. Стеттлер, например, видит в этом, прежде всего, прагматическую идею предохранить церковь от новых учений, которые противоречили бы тому, что передал Павел.^[25] В этом случае каждый отдельный член общины становится непосредственным участником общего богослужения и, соответственно, как активный член общины становится ответственным за всю церковь. Каждый должен вкладывать свою часть для общего порядка и устройства, поэтому ответственность за тело Христово возлагается на каждого отдельного члена.

В послании никак не просматривается и тот факт, чтобы Павел пытался предать собранию определённую форму. Он не устанавливал специальных литургических правил и не стремился построить богослужение на синагогальной или какой-либо другой основе. Как отмечает Данн, в Павловых церквях не присутствовало явной иерархии. Для Павла не существовало определенных форм для богослужения. Осмысление организации церкви для него вырастает в основном из его метафоры (местной) церкви как тела Христова, которая

представляет собой харизматически функционирующую общину. Тело Христово обретает выражение, живёт и развивается, через взаимодействие, через разнообразие даров и служений, которые Дух Христов объединяет в единство цели и характера. Так же в 14:26-33а, по мнению Данна, Павел представляет богослужение спонтанным, без регулярной структуры и формы, которое полностью зависит от вдохновения Духа. Павел даёт лишь некоторые правила: очередность глоссолалических речений и также необходимость оценки пророческих речений пророками или всей общиной.^[26] Здесь просматривается умение Павла не ограничить действие даров Духа Святого и в то же время предать им определённую направленность для созидания общины.

Заключение

Учитывая все особенности христианских собраний в городе Коринфе в середине первого столетия, следует заключить, что, по всей вероятности, собрания верующих христиан имели форму собраний добровольных ассоциаций, распространённых в греко-римском мире. Об этом свидетельствует многие факторы: практика двухчастного характера собрания, свободное участие каждого члена, псалмопение, молитвы, речи, чтение различных текстов и другие элементы, присутствовавшие как в христианских собраниях, так и в добровольных объединениях греко-римского мира.

Объединяющей особенностью является наличие общих трапез с некоторыми отличительными чертами приготовления стола (евреи имели множество

^[25] Stettler C. (2006). *The "Command of the Lord" in 1 Cor 14,37 – a Saying of Jesus?*, 44.

^[26] Данн Д. Д. (2009). *Единство и многообразие в*

Новом Завете: исследование природы первоначального христианства, с. 142-143.

предписаний относительно качества употребляемой пищи) и следующим за ним симпозиумом или общением. Практика общих трапез верующих христиан с последующим общением напоминают собрания добровольных ассоциаций, где также присутствовал общий ужин и симпозиум.

Наличие двухчастной структуры собрания это не искусственно созданная апостолами форма проведения общих встреч, а скорее наследие общего культурного фона всего Средиземноморья,

где в основном любые встречи могли сопровождаться общей трапезой, переходящей в симпозиум. Практику домашней церкви и общего приёма пищи христианство унаследовало с самого зарождения церкви. Первые христиане иудеи собирались по домам и принимали пищу «в веселии и простоте сердца» (Деян. 2:42, 46). Данная практика, в дальнейшем распространилась и в языческой среде, где христиане язычники собирались по домам и устраивали общий приём пищи с последующим общением.

Библиография

Первоисточники

- Библия каноническая. Синодальный перевод Ветхого и Нового Завета.
- Ксенофонт (1993). Воспоминания о Сократе // Сократические сочинения. Серия Античная Библиотека. Издательство АО «Комплекс». СПб.
- Марциал Марк Валерий (2000). Эпиграммы // Пер. с лат. Ф. Петровского; Худож.-ил. В. Носань; Худож.-оформитель П. Сацкий. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ». – 448 с. – (Б-ка антич. лит.).
- Письма Плиния Младшего (1982). Письма Плиния Младшего. Книги с I – X. Издание подготовили М. Е. Сергеевко, А. И. Доватур. Второе переработанное издание. Издательство «Наука» Москва.
- Плутарх (1990). Избранные жизнеописания // Ликург / Том. Первый. Москва. Издательство «Правда».
- Плутарх (1990). Пир семи мудрецов // Застольные беседы. Издательство подготовили Я. М. Боровский, М. Т. Ботвинников, Н. В. Брагинская, М. Л. Гаспаров, И. И. Ковалева, О. Л. Левинская. Ленинград «Наука» Ленинградское отделение.
- Тексты Кумрана (1996). Выпуск второй. Введение, перевод с древнееврейского и арамейского и комментарии А. М. Газова-Гинзберга, М. М. Елизаровой и К.

- Б. Старковой. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение».
- Josephus (1926). *The Life, Against Apion*, tra. H.S.J. Thackeray, vol. I. LCL 186. London and Cambridge MA: Heinemann, Harvard University Press.
- Nastle, Eberhard et Erwin (1999). *Novum Testamentum Graece*. (27 ed.). Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft.
- Philo (1943). *Every Good Man is Free. On the Contemplative Life. On the Eternity of the World. Against Flaccus. Apology for the Jews. On Providence*, tra. F.H. Colson, vol. IX. LCL 363. Cambridge MA: Harvard University Press.
- Philo (1937). *On the Decalogue. On the Special Laws, Books 1-3*, tra. F.H. Colson, vol. VII. LCL 320. Cambridge MA: Harvard University Press.

Литература

- Гиро П. (1994). Частная и общественная жизнь греков: Репринт. с изд. 1913 - 1914 гг. – М.: Ладомир.
- Данн Д. Д. (2009). Единство и многообразие в Новом Завете: исследование природы первоначального христианства. Пер. с англ. (Серия «Современная библеистика»). – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея.

- Alikin V. A. (2010). *The Earliest History of the Christian Gathering* // Origin, Development and Content of the Christian Gathering in the First to Third Centuries. Leiden: Brill.
- Behm (1964). *Theological Dictionary of the New Testament*. Edited by Kittel Gernard. Volume II. Grand Rapids, Michigan, Eerdmans.
- Blue B. B. (1993). Food offered to idols and Jewish food laws // *Dictionary of Paul and His Letters*. Editors: Gerald F. Hawthorne, Ralph P. Martin. Associate Editor: Daniel G. Reid. Inter Varsity Press, p. 306-310.
- Dix G. (1945). *The Shape of the Liturgy*. Glasgow: Glasgow University Press.
- Dunn J. D. J. (1998). The Responsible Congregation (1 Corinthians 14:26-40) // *The Christ and the Spirit*. Volume 2. Pneumatology. Grand Rapids, Michigan / Cambridge, U.K.
- Klauck H. J. (1981). *Hausgemeinde und Hauskirche im fruhen Christentum*. Stuttgart: Katholisches Bibelwerk.
- Klinghardt M. (1996). *Gemeinschaftsmahl und Mahlgemeinschaft. Soziologie und Liturgie fruhechristlicher Mahlfeiern*. Tuebingen/ Basel: Francke.
- Marshall I. H. (2010). Вечеря Господня // *Словарь Нового Завета*. Т. 2: Мир Нового Завета. Под редакцией Крейга Эванса, Ральфа Мартина и Даниэля Рейда. Серия «Современная библеистика». – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, с. 135-146.
- Murphy-O'Connor J. (2004). *House-Churches and the Eucharist* // *Christian at Corinth / The Quest for the Pauline Church*. Edited by Adams E., Horrell D. G. Westminster John Knox Press Louisville. London.
- Smith D.E. (2003). *From Symposium to Eucharist*. The Banquet in the Early Christian World. Minneapolis, Fortress Press.
- Stettler C. (2006). The “Command of the Lord” in 1 Cor 14,37 – a Saying of Jesus? // *Biblica*, vol. 87, p. 42-51.
- Theissen G. (2004). *The Social Setting of Pauline Christianity*. Eugene: Wipf and Stock.
- Tidball D. J. (2010). Социальная среда основанных Павлом церквей // *Словарь Нового Завета*. Т. 2.: Мир Нового Завета. Под редакцией Крейга Эванса, Ральфа Мартина и Даниэля Рейда. Серия «Современная библеистика». – М.: Библейско-богословский институт св. Андрея, с. 750-758.